

СТРАТЕГИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Арман Касымбаев¹,
Галым Малик²

¹PhD докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail*: 251546@mail.ru

²PhD докторант Казахского национального педагогического университета, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: galim.malik@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-3.06>

Аннотация: Статья рассматривает роль языка в полиэтнических сообществах, где на сегодняшний день языковая политика становится важнейшим вопросом этнических конфликтов и столкновений в развивающихся странах мира. Модель языковой политики – это один из методов, с помощью которого государство пытается урегулировать этнические противоречия внутри различных сообществ. Во многих случаях языковая политика выступает как фактор сдерживания межэлитарных противостояний в рамках отдельно взятого государства. Политическая элита использует различные стратегии для урегулирования языковых процессов, а именно: ассимиляционистских или плюралистических стратегий достижения политической цели. В рамках этой статьи было рассмотрено множество примеров конкретных языковых политик с точки зрения их вклада в достижение политических целей элитарных групп. Языковая политика в новейший период изучается как базирующаяся на взаимодействии двух очевидных, но конфликтующих друг другу необходимостей. В подавляющем большинстве стран, где осознанная языковая политика власти, так и неконтролируемая политика через «экономический оборот» направлена, зачастую, на поддержание потребности взаимопонимания. Потребность идентичности носителей языков меньшинств часто страдает, что может приводить к межэтническим конфликтам.

Ключевые слова: язык, языковая политика, языковое планирование, языковые стратегии государства.

ҚАЗІРГІ ДАМУ КЕЗЕҢІНДЕГІ ТІЛ САЯСАТЫНЫҢ СТРАТЕГИЯСЫ: САЯСИ ТАЛДАУ

Арман Қасымбаев¹, Ғалым Мәлік²

¹Өл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты, Қазақстан, Алматы қаласы, e-mail*: 251546@mail.ru

²Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің PhD докторанты, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: galim.malik@mail.ru

Аңдатпа: Мақала бүгінгі таңда тіл саясаты әлемнің дамушы елдеріндегі этникалық қақтығыстар мен қақтығыстардың маңызды мәселесіне айналатын полиэтникалық қауымдастықтардағы тілдің рөлін қарастырады. Тіл саясатының моделі-бұл мемлекет әртүрлі қауымдастықтардағы этникалық қайшылықтарды шешуге тырысатын әдістердің бірі. Көптеген жағдайларда тіл саясаты жекелеген мемлекет шеңберіндегі еларалық қарама-қайшылықтарды тежеу факторы ретінде әрекет етеді. Саяси элита тілдік процестерді реттеу үшін әртүрлі стратегияларды қолданады, атап айтқанда: саяси мақсатқа жету үшін ассимиляция немесе плюралистік стратегия. Осы мақалада элиталық топтардың саяси мақсаттарына қол жеткізуге қосқан үлестері тұрғысынан нақты тілдік саясаттардың көптеген мысалдары қарастырылды. Соңғы кезеңдегі Тіл саясаты екі айқын, бірақ бір-біріне қайшы келетін қажеттіліктердің өзара әрекеттесуіне негізделген. Биліктің саналы тіл саясаты, сондай-ақ «экономикалық айналым» арқылы бақыланбайтын саясат көбінесе өзара түсіністік қажеттілігін қолдауға бағытталған елдердің басым көпшілігінде. Азшылық тілдерінің жеке басын сәйкестендіру қажеттілігі жиі зардап шегеді, бұл ұлтаралық қақтығыстарға әкелуі мүмкін.

Түйін сөздер: тіл, тіл саясаты, тілдік жоспарлау, мемлекеттің тілдік стратегиясы.

STRATEGIES OF LANGUAGE POLICY AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT: A POLITICAL ANALYSIS

Arman Kasymbayev¹, Galym Malik²

¹PhD student of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail*: 251546@mail.ru

²PhD student of the Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: galim.malik@mail.ru

Abstract: The article examines the role of language in multiethnic communities, where today language policy is becoming the most important issue of ethnic conflicts and clashes in developing countries of the world. The language policy

model is one of the methods by which the State tries to settle ethnic contradictions within various communities. In many cases, language policy acts as a deterrent to inter-elite confrontations within a single state. The political elite uses various strategies to regulate language processes, namely: assimilationist or pluralistic strategies to achieve a political goal. Within the framework of this article, many examples of specific language policies were considered in terms of their contribution to achieving the political goals of elite groups. Language policy in the recent period is studied as based on the interaction of two obvious, but conflicting necessities. In the vast majority of countries where the conscious language policy of the authorities and uncontrolled policy through “economic turnover” is often aimed at maintaining the need for mutual understanding. The need for identity of speakers of minority languages often suffers, which can lead to interethnic conflicts.

Keywords: *language, language policy, language planning, language strategies of the state.*

Введение

В современную эпоху государство стало главной ареной этнических конфликтов. Конфликты из-за средств к существованию или латентные противоречия, которые в более ранние периоды могли быть оспорены на местном уровне, как правило, обостряются на государственном уровне [1]. Современные государства проникли в общество с помощью сетей нормативных актов и услуг, которые оказывают различное воздействие на этнические общины в пределах их границ. Группы считают необходимым мобилизоваться по этническому признаку, чтобы защищать и продвигать политическими действиями то, что их представители определяют, как их «коллективное» взаимодействие, потому что эти интересы - политические, экономические, культурные - могут быть критически затронуты политикой и распределением государственных средств. Статус языка является одним из таких важнейших интересов [13].

На каком языке или языках правительство будет действовать, вести свои дела? На каком языке или языках оно готово общаться с общественностью, обеспечивать соблюдение нормативных актов, предоставлять услуги, обучать молодежь? Поскольку язык является отличительным свойством большинства этнических сообществ и лежит в основе этнической идентичности и этнической гордости, относительный статус языка может приобретать огромное символическое значение в этнически разделенных обществах. Признание одного языка «национальным» или «официальным» – это не просто вопрос удобства или облегчения общения - связь; это символизирует уважение к сообществу, которое оно представляет. Отказ в таком статусе и присвоение его другой общине символизирует этническую стратификацию внутри государство [3]. Но выбор языка также несет в себе инструментальные выгоды и издержки. Человек, который может работать в правительстве на своем родном языке, конкурировать в области образования и иметь дело с правительством на своем

родном языке, имеет как практические, так и психологические преимущества перед конкурентами, которые вынуждены работать, возможно, неудобно, на втором языке.

Статус языков неизбежно становится политическим вопросом для правительств в многонациональных обществах. Чем выше степень этнического плюрализма, тем более потенциально спорным является этот вопрос. Политические элиты могут использовать язык для формирования такого общества и государственного устройства, которые они считают желательными для будущего [7]. Это часто означает укрепление гегемонии их собственной этнической общины, но плюралистические модели также могут быть включены в их расчеты. Они могут также использовать язык в качестве инструмента урегулирования конфликтов, регулирования конкурирующие притязания этнических групп на покровительство государства, тем самым пытаясь достичь приемлемых моделей мирного сосуществования. Большинство групп иммигрантов и малых этнических общин коренных народов практически не ожидают, что их язык сможет получить официальный статус; они должны адаптироваться к доминирующему режиму, надеясь, возможно, сохранить свой язык в качестве родного языка своими собственными коллективными усилиями. Это требования более густонаселенных, особенно коренных общин, обычно обосновавшихся на своей традиционной родине, где они могут требовать автономии или угрозу отделения.

Методология исследования

Методологическая основа работы определяется спецификой предмета исследования. Область языковой политики чрезвычайно сложна с точки зрения исследования и требует комплексного методологического подхода в контексте изучения различных аспектов этого предмета. Основная методология включает набор общенаучных и общелогических методов: анализ и синтез, индукция и дедукция. Диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному был использован для выявления общих закономерностей развития языковых стратегий. Методы формальной логики использовались для изучения возможных проявлений языка в политике.

Исследование основано на принципах неоклассического социолингвистического подхода, подразумевающего методологический плюрализм и синергетическое единство нескольких теоретических концепций. Сравнительно-исторический метод использовался при изучении различных примеров языковой модели в странах Юго-Восточной Азии и концепций политической воли в различных лингвистических ландшафтах; межвременное сравнение позволило выявить общие и отличительные черты и классифицировать подходы к выявлению источников языковой политики в различных государствах мира. Системный подход ориентирован на изучение современных политических тенденций в контексте языкового планирования.

Результаты исследования и их обсуждение

Доминирующий принцип политической легитимности в течение последних двух столетий закреплял авторитет государства в согласии управляемых. Несмотря на то, что политические элиты широко злоупотребляли этим принципом и нарушали его на практике, он, тем не менее, сохраняет мощную моральную привлекательность. Правители всех мастей утверждают и пытаются продемонстрировать, что они действительно правят с согласия народа. Одной из целей политических элит является укрепление политического сообщества - национального единства - поскольку считается, что верность к государству и его институтам обеспечивает политическую стабильность и значительно облегчает процессы управления [2]. В многонациональных государствах достижение согласия, основанного на общем чувстве принадлежности, является проблематичным настолько, что требует специальных и часто четких мер на уровне политики и даже конституций. Одним из основных элементов разногласий в этих условиях является язык.

Общепринятое мнение среди политических элит, как и среди ученых и наблюдателей, заключается в том, что политическое сообщество обычно требует общего языка и что все меньшее представляет собой плохой и нестабильный компромисс [6]. Этот общий язык должен быть средством общения этнической группы, которая дает свое название государству и контролирует его институты. Хотя возникающая в результате национальная культура берет свое начало в культуре доминирующего сообщества, она постепенно становится достоянием всего общества. Все государственное управление и все поддерживаемое государством образование должны проводиться исключительно на государственном языке. Неофициальные языки низведены до статуса народных, полезных в быту и в деятельности по соседству. Коммерческие предприятия, независимо от происхождения их владельцев и руководителей, считают необходимым или целесообразным функционировать на официальном языке. Представители этнических меньшинств считают, что карьерный рост для них самих и их детей требует свободного владения официальным языком.

Со временем эта политика культурной ассимиляции ослабляет этнические меньшинства, кооптируя их более амбициозных и энергичных членов; в итоге эта стратегия предсказывает, что большинство из них также ассимилируются в социальном плане. Создание единой нации, «единой и неделимой», на национальной территории призвано устранить двойную лояльность и потенциал для этнической подрывной деятельности, создавая в процессе интегрированное политическое сообщество посредством единого национального или официального языка. Эта стратегия требует бескомпромиссного настаивания на исключительном использовании официального языка во всех мероприятиях, связанных с правительством, без каких-либо уступок языковым правам меньшинств.

Франция является классическим примером строгой одноязычной политики. Во времена Французской революции два столетия назад менее половины

населения Республики говорило по-французски [11]. Сменявшие друг друга режимы, республиканский и роялистский, неустанно продвигали парижский французский как исключительный язык управления и образования [4]. Знание и использование французского языка стали настолько универсальными, что правительство в настоящее время разрешает преподавание в некоторых классах и радиовещание на бретонском и других региональных языках, чтобы помочь им выжить, хотя бы как просторечие. Аналогичная языковая стратегия активно реализуется другими правительствами на всех континентах с той же целью – построить интегрированную нацию на национальной территории. Тайские элиты пытаются ассимилировать в культурном и, в конечном счете, в социальном плане свои многочисленные меньшинства (китайцев-иммигрантов, а также коренные народы), настаивая на центральном тайском диалекте в качестве исключительного средства государственного управления, средств массовой информации и образования. Эта политика видоизменяется, но с большой неохотой, только в глубоком юге, где малайскому языку разрешено ограниченное официальное использование, признавая, что малайский - мусульманское меньшинство не согласится на ассимиляцию в тайско-буддийском обществе. Турецкое государство, отказывающееся предоставить статус меньшинства своему курдскому народу в Восточной Анатолии, которые составляют 20 процентов ее населения, намеревается, что агрессивная и неустанная одноязычная политика постепенно будет способствовать превращению курдов в «горных турок» [5].

Аналогичная одноязычная политика проводится в большей части Латинской Америки, где управление, государственное управление и образование осуществляются исключительно на испанском языке, языке большинства метисов. Языки коренных индейцев, на которых говорит большое количество людей, систематически обесцениваются и рассматриваются как отсталые наречия. Для облегчения предоставления некоторых государственных услуг некоторым родным языкам делаются неофициальные уступки. Ожидается, что по мере того, как индейцы станут «цивилизованными», они охотно станут лингвистически испаноязычными и что культурная ассимиляция будет следовать за социальной ассимиляцией в национальном сообществе. Постепенная эрозия индийской этнической принадлежности будет сигнализировать о достижении полной государственности и политической общности. Аналогичным образом арабский язык используется в качестве основного средства включения крупных берберских общин в то, что элиты Севера Африканские государства надеются превратиться в интегрированные арабоязычные культурные и политические сообщества.

Несмотря на свой демографический плюрализм, Соединенные Штаты рассматриваются как интегрированное и инклюзивное политическое сообщество, сформированное последовательными волнами иммигрантов, которые охотно приняли английский, язык отцов-основателей, как цену «американизации» и полного участия в американском образе жизни. Хотя история не совсем

так проста, она, по сути, точна. На национальном, государственном и местном уровнях американское правительство функционирует на английском языке, как и его отрасли промышленности, церкви, образовательные учреждения и средства массовой информации. Эта быстрая аккультурация, этот лингвистический плавильный котел, происходила на практике без четкой языковой политики на любом уровне правительства. Этнические общины были свободны в попытках, посредством добровольных усилий, сохранить свою коллективную идентичность, институты и языки в качестве родных языков; неизменно в результате аккультурации язык был первым свойством отличительной этнической принадлежности, которое подверглось эрозии и исчезло. От Атлантики до Тихого океана Соединенные Штаты фактически превратились в одноязычное сообщество.

Политически доминирующие малайцы, представляющие небольшое демографическое большинство в Малайзии, признают, что Малайзия по-прежнему будет «многорасовым» обществом, что ее китайское меньшинство, составляющее более трети от общего числа, не будет ассимилировано в малайско-мусульманскую общину. Действительно, еще до обретения независимости политика Малайзии строилась по явно этническим признакам. Малайские элиты считают, что в любой стране коренные народы, в данном случае малайцы, имеют право устанавливать правила, которым должны соответствовать иммигранты и их потомство, и эти правила включают и языковой режим. Неохотному китайскому меньшинству была навязана строго одноязычная политика, при этом малайский был принят в качестве исключительного языка правительства, государственного управления и образования [3]. Мандаринский и тамильский языки остаются языками обучения только на начальном уровне. Английский, который был языком правительства и престижного образования в колониальный и непосредственно постколониальный периоды, был лишен официального статуса, отчасти потому, что китайцы, неспособные добиться какого-либо официального признания своего родного языка и, считалось, что они возвращаются к английскому, чтобы избежать использования малайского языка. Хотя неформальное использование английского языка в государственных учреждениях и высших учебных заведениях сокращается, английский остается важным языком бизнеса в открытой экономике Малайзии.

Хотя они соблюдают режим малайского языка в силу прагматической необходимости, многие немалайцы считают его инструментом и выражением малайского господства, и символом их собственного политического и культурного подчинения, статуса второго сорта. Малайские элиты утверждают, что «национальное единство» (политическое сообщество) требует общее средство коммуникации, которое, собственно, и является средством общения коренных народов. Как только иммигрантские народы, согласно этому аргументу, признают необходимость и преимущества единого официального языка – и тем более, что малайские элиты считают, что их политические, экономические и религиозные права полностью соблюдаются - в этом штате может возникнуть

подлинно национальное чувство общности, даже если ему суждено навсегда остаться многорасовым по составу.

Другой вид одноязычной стратегии был реализован в Индонезии. С момента своего возникновения в 1920-х годах лидеры индонезийского националистического движения признавали, что общие символы необходимы для противодействия последствиям крайнего этнического разнообразия в их борьбе против голландского колониального правления и что движение должно в то же время избегать впечатления яванского доминирования, поскольку яванцы, безусловно, являются крупнейшей этнической общиной Индонезии. Так движение за независимость приняло в качестве общего индонезийский язык (Индонезия, Бахаса) вариант малайского языка, языка относительно небольшого прибрежного меньшинства, который, однако, использовался торговцами в этом районе в качестве языка коренных народов и имел преимущество относительно простой синтаксической структуры. Этот выбор обеспечил национальный язык, избегая при этом впечатления доминирования принадлежностью или предпочтением к одной из более крупных этнических групп. С момента обретения независимости успешный индонезийский режим энергично продвинул «Бахаса» как исключительный официальный язык правительства, образования, государственного управления и, конечно же, вооруженных сил. Чтобы продемонстрировать уважение к основным языкам коренных народов, обучение в течение первых трех лет проводится на языках коренного населения, более того, правительство покровительствует и финансирует развитие литературы и культуры коренных народов. Ожидается, что индонезийцы будут говорить на двух языках, на своем этническом наречии и на национальном языке, переключаясь по мере необходимости. Несмотря на этническую напряженность, которая остается на поверхности индонезийской общественной жизни, национальная языковая политика не подвергается сомнению; она служит важным элементом сплочения в этом большом многонациональном государстве.

Менее удовлетворительным одноязычным способом является использование в официальных целях иностранного языка, который является нейтральным среди конкурирующих общин коренных народов, что позволяет избежать конфликта по этому вопросу. Нейтральным иностранным языком обычно является язык бывшей колониальной державы, потому что он известен среди элиты всех местных этнических общин. Иностранный язык становится рабочим средством государственного управления, государственного управления и формального образования, хотя некоторое начальное образование и вещание могут осуществляться на различных местных языках. Потому что многие люди, часто большинство, не могут общаться на официальном языке, как правило, существует разрыв между чиновничеством и общественностью, и большинство государственных услуг должны предоставляться также на местных языках двуязычными государственными служащими. Языковая политика в таких государствах, включая большую часть Африки, является средством предотвращения конфликтов, лишенной страсти, которая характеризует поощ-

рение или противодействие использованию языка, когда на карту поставлены относительный статус и достоинство коренных этнических общин.

Нейтральный язык — это практическая формула для поддержания мира, для деполитизации языка и удаления его из общественной повестки дня. Однако в нем отсутствует исконная аутентичность, к которой стремятся националисты даже после обретения независимости. Сблaзн для государственных элит, часто побуждаемый интеллектуалами-националистами и политическими конкурентами, состоит в том, чтобы надеть националистическую мантию, чтобы повысить свою политическую привлекательность и в процессе продвигать местный язык, который может быть каким-то образом принят — способный ко всем основным этническим общинам. Усилия филиппинских элит и их попытки индийских коллег отказаться от английского языка и заменить его языком коренных народов, тагальским (также известным как пилипино) и хинди соответственно, в качестве национального и официального языка, привели к серьезной политической реакции. Эти языки были связаны со стремлением к культурному доминированию одной большой этнической группы, расположенной недалеко от столицы. Поэтому они были неприемлемы для других важных этнических общин. Индийский опыт будет обсужден ниже. Несмотря на возрождение национализма и антиамериканизма среди лиц, формирующих общественное мнение, нынешняя конституция Филиппин сохраняет английский, а также тагальский в качестве официальных языков. Однако он надеется на будущее появление «пилиппинского» в качестве единого национального языка, в настоящее время не существующего, который, как мы надеемся, будет включать лучшие черты нескольких языков коренных народов, что позволит вести бизнес в республике на общем языке, который будет символизировать национальное единство и политическую общность.

Предпочтения политических элит в отношении одноязычного режима часто должны уступать двуязычным и даже многоязычным мерам. Например, «перестройка» языковых парадигм происходят в Казахстане, особенно в изменении их доли функций и обучения [9]. Очевидные изменения наблюдаются в специфике функций русского языка. Кроме того, в соответствии с современными требованиями и глобализацией все большее внимание уделяется английскому языку. Именно поэтому Президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул культурную программу “Триединство языков”: казахский, русский, английский”, реализация которого была выделена в отдельное направление внутренней политики государства и рассматривается как условие усиления социальной согласованности и свидетельство конкурентоспособности страны. Два из трех языков являются мировыми языками со всеми атрибутами и эффектами, связанными с этим статусом: русский язык занимает довольно стабильное положение в Казахстане, а английский рассматривается как язык успешной интеграции в мировую экономику и науку. При этом, языковые процессы и контроль за ними занимает важное место в государственной политике Республики Казахстан. В частности, языковая политика становится важней-

шим направлением в развитии Казахстан, поскольку в ней отражаются намерения усиливать самоидентификацию и укрепления государственного языка [10]. Для политической элиты Казахстана языковая политика рассматривается как инструмент согласования с разнополярными частями общества. Сулейменова Е.Д. (2011) указывает в своей монографии, что статусное планирование в Казахстане является наиболее мощным регулятивным инструментом функционирования казахского языка в наиболее важных сферах коммуникации. Более того, это позволяет государству осуществлять контроль за соблюдением законодательства и соблюдением языковых условий [8].

Появились различные модели официально санкционированного языкового плюрализма. Как правило, это сложные механизмы, которые предполагают вариации, в соответствии с конкретными обстоятельствами, аналитически различных личностных и территориальных принципов: граждане, где бы они ни находились, имеют право иметь дело с правительством и обучать своих детей на официальном языке своей страны. Выбор - принцип личности; и что все лица в пределах географически определенного региона должны соблюдать его единый официальный язык – территориальный принцип.

Последнее подразумевает федеральные или подобные федеральным механизмам, которые действительно характеризуют большинство многоязычных режимов. Федеральный статус может предоставить этническим группам политические ресурсы, необходимые для обеспечения безопасности их языка и культуры в пределах их территориальной родины. Федерализм, однако, не является беспроblemным. Это не решает частую проблему меньшинств, которые могут не принадлежать к этнической группе, доминирующей в регионе. Эти меньшинства могут потребовать официального признания своего языка в сфере образования и государственного управления. С другой точки зрения, то же самые политические ресурсы, которые могут защитить этнический язык и дать ему возможность процветать на своей родине, могут быть использованы для содействия отделению от федерального государства, для подрыва и разрушения политического сообщества.

Эти многочисленные возможности можно проиллюстрировать конкретными примерами. Простейший образец - официальное двуязычие на всей территории унитарного государства, принцип личности. Для этого требуется два (или более) набора учебных заведений, финансируемых за счет государственных средств, но управляемых представителями этнических общин. Для этого также требуется ряд должностных лиц и государственных служащих, которые могут работать на двух (или более) языках. Эта модель успешно работает среди граждан Южной Африки, где английский и африкаанс укоренились в конституциях штатов. С момента установления режима апартеида в 1948 году африкаанс стал основным рабочим языком правительства, в то время как английский остается основным языком бизнеса. Государственные услуги, включая образование, были доступны на обоих языках в соответствии с принципом личности. В крошечном островном государстве Сингапур правительство

предоставляет услуги, включая начальное и среднее образование, на каждом из четырех официальных языков: мандаринском, тамильском, английском и малайском. Правительство, высшее образование и экономические предприятия в современном сектор функционирует в основном на английском языке, доминирующем языке международного бизнеса и науки. Поскольку английский язык является языком восходящей мобильности, большинство родителей в настоящее время отправляют своих детей в англоязычный образовательный поток. Одна из причин выбора малайского языка в качестве символического «национального языка» и многоязычного режима заключается в том, чтобы развеять опасения своих соседей из Юго-Восточной Азии по поводу того, что китайское большинство в 75 процентов намерено создать пятнадцатую провинцию Китая [4].

Большинство полиязычных стратегий осуществляются на основе той или иной версии территориального федерализма, которая учитывает региональную концентрацию основных этнических общин. Классическим примером является Швейцария, где три языка имеют официальный статус в центральном правительстве, хотя немецкий, на котором говорят 75 процентов населения, служит рабочим языком администрации. В то же время кантоны, предоставляющие большую часть услуг гражданам Швейцарии, функционируют на строго одноязычной основе в соответствии с территориальным принципом. За исключением четырех кантонов, образование и государственные услуги однозначно доступны только на единственном официальном языке кантона. В то время как политическая культура Швейцарии в высшей степени заботится о правах языковых меньшинств в центральном правительстве, в большинстве кантонов она привержена прямому принципу территориального одноязычия на региональном уровне. Несмотря на игнорирование прав меньшинств в большинстве кантонов, эта языковая политика поддерживает высокий уровень политического сообщества в многонациональной Швейцарской конфедерации.

Напротив, языковой конфликт в последние годы превратил Бельгию из унитарного в регионализованное федеративное государство. Хотя центральное правительство работает на обоих официальных языках, французском и фламандском, большинство услуг были регионализированы. За исключением столицы, Брюсселя, где действует собственный двуязычный режим, региональные власти функционируют строго на одноязычной основе с минимальными уступками языковым правам меньшинств. Аномалии в этих региональных механизмах парализовали бельгийскую политику на длительные периоды, хотя насилие к счастью, этого удалось избежать. В течение трех десятилетий бельгийская политика, где религия и класс когда-то были наиболее заметными разногласиями, была одержима проблемой языка. Те, кто утверждает, что политизированные языковые споры являются всего лишь суррогатами экономических, классовых или других «более рациональных» интересов, были полностью сбиты с толку недавней интенсивностью и постоянством

языковых конфликтов в этом сложном и высокоиндустриальном государстве. Суждено, по-видимому, сосуществовать в одном и том же государстве, фламандцы и валлоны пытаются сохранить неустойчивое политическое сообщество-единство на их отдельных языках.

Заключение

Этнические группы редко едины в своих притязаниях на государство, политика внутри этнических движений обычно бывает спорной и нередко жестокой. Статус языка, однако, как правило, является фундаментальным вопросом, по которому фракции этнических движений, скорее всего, объединятся и сохраняют свою солидарность. Есть несколько вопросов, помимо религии, которые могут мобилизовать и поддержать такую страсть, как статус языка, поскольку он занимает центральное место в коллективной идентичности.

Языковое поведение является важным аспектом социальных наук, тонкости и сложности которых исследуются в дисциплине социолингвистики. Это включает в себя влияние экономических, социальных и технологических изменений на языковое поведение, относительный рейтинг престижности различных языков, а также способность, необходимость и склонность людей при различных обстоятельствах и в разных ролях переключаться между двумя или более языками. Эта статья, однако, ограничена политикой выбора языка в современных политиях, языком как проблема политических конфликтов и приспособления в государствах с этническим плюрализмом, а также полезность языковой политики - предоставление официального статуса одному или нескольким языкам и отказ в нем другим - как средство достижения цели политического сообщества. Будет рассмотрено последствия языковой политики для двух основных подходов к урегулированию этнических конфликтов: ассимиляционистских стратегий и плюралистических стратегий.

Список источников

1. Brass P., *Ethnic Groups and the State*. Totowa NJ: Barnes and Noble, 1985, 345 p.
2. Cobban A. *The Nation State and National Self Determination*. New York: Thomas Crowell Co, 1969, 573 p.
3. Esman, M.J. «Language Policy and Political Community in Southeast Asia.» In *Language Policy and Political Development* (B. Weinstein, ed.). Norwood, NJ: Ablex Publishing Co, 1990, 185-201 p.
4. Jacob, J.E. «Language Policy and Political Development in France.» In *Language Policy and Political Development* (B. Weinstein, ed.). Norwood, NJ: Ablex Publishing Co, 1990, 43-65 p.
5. Landau J., E. Ozbudun and Tachau F. *Electoral Politics in The Middle East: Issues, Voters and Elites*, London: Croom Helm, 1980, 232 p.
6. Mill J.S. *Considerations on Representative Government*. London: Routledge, 1904, 154 p.
7. Rubin J. and Jernudd B.H. *Can Language Be Planned? Sociolinguistic Theory and Practices for Developing Nations*. Honolulu: University Press of Hawaii, 1971.
8. Сулейменова Е. Д. Языковые процессы и политика: монография. Алматы: Казахский университет. – 2011.
9. Султан Д.С., Сабирова Д.Р. Современная языковая политика в Республике Казахстан. Казанский вестник молодых ученых Традиции и инновации в

- методике преподавания иностранных языков. том 2 № 5 (8). 2018, - 60-62 с.
10. Тажибаева С. Ж, Козырев Т. А. Межъязыковое взаимодействие в современном Казахстане. Сибирский филологический журнал № 2. 2015. – 124 -133 с.
11. Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France. London: Chatto and Windus, 1979, 321 p.
12. Vella F.W. Chaiyol King Vajiravudh and the Development of Thai Nationalism. Honolulu: University of Hawaii Press/, 1978, 267 p.
13. Weinstein B. (1983) The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choice. New York: Longmans, 1983, 412 p.

References

1. Brass P., Ethnic Groups and the State. Totowa NJ: Barnes and Noble, 1985, 345 p.
2. Cobban A. The Nation State and National Self Determination. New York: Thomas Crowell Co, 1969, 573 p.
3. Esman, M.J. «Language Policy and Political Community in Southeast Asia.» In Language Policy and Political Development (B. Weinstein, ed.). Norwood, NJ: Ablex Publishing Co, 1990, 185-201 p.
4. Jacob, J.E. «Language Policy and Political Development in France.» In Language Policy and Political Development (B. Weinstein, ed.). Norwood, NJ: Ablex Publishing Co, 1990, 43-65 p.
5. Landau J., E. Ozbudun and Tachau F. Electoral Politics in The Middle East: Issues, Voters and Elites, London: Croom Helm, 1980, 232 p.
6. Mill J.S. Considerations on Representative Government. London: Routledge, 1904, 154 p.
7. Rubin J. and. Jernudd B.H Can Language Be Planned? Sociolinguistic Theory and Practices for Developing Nations. Honolulu: University Press of Hawaii, 1971.
8. Suleimenova E. D. Language processes and policy: monograph. Almaty: Kazakh University. – 2011.
9. Syltan D.S, Sabirova D.R. Sovremennaya yazykovaya politika v Respublike Kazakhstan. Kazanskij vestnik molodyh uchenyh Tradicii i innovacii v metodike prepodavaniya inostrannyh yazykov. том 2 № 5 (8). 2018, - 60-62 p.
10. Tazhibaeва S. Zh., Kozыrev T. A Mezhyazykovoe vzaimodeystvie v sovremenном Kazakhstane. Sibirskiy filologicheskij zhurnal. № 2. 2015. – 124 -133 p.
11. Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France. London: Chatto and Windus, 1979, 321 p.
12. Vella F.W. Chaiyol King Vajiravudh and the Development of Thai Nationalism. Honolulu: University of Hawaii Press/, 1978, 267 p.
13. Weinstein B. (1983) The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choice. New York: Longmans, 1983, 412 p.